

западников легализованы «сексуальные меньшинства». Деструкция в сфере пола порождает деструкцию в психике в виде комплекса разрушения, который объективируется в социальных деструкциях. Кто перешагивает через природные основы жизни, тот способен перешагнуть через любые социальные нормы.

Западничество – это болезненное явление. Его глубинный источник – отчужденное состояние души; потеря чувства родного и Родины; его психологическое выражение – комплекс разрушения, стойкая негативная установка к здоровым началам жизни народа; его выражение в культуре – творческое бесплодие и имитации, бегство в утопии и глобалистику, в формальные построения неомодернистского толка и неприятие корневых ценностей большого народа; его социальные проявления – отвращение от органически вырастающих реформ и радикальные потрясения ценой судорог и страданий народа. Итоговый результат западничества – практическая деструктивность, разлом духовной преемственности поколений и потеря национальной идентичности. Ныне, как ладони, западники обнажили свою полную теоретическую и практическую несостоятельность. Они у власти потому, что труженики России еще питают иллюзии, традиционно доверяя авторитету государственной власти. Но иллюзии скоро развеются, как болотный туман в солнечное утро.

Литература

1. Башилов Б. История русского масонства. Вып. 12-13. М., 1995.
2. Башилов Б. История русского масонства. Вып. 16-17. М., 1995.
3. Кожин В. Россия как цивилизация и культура // Наш современник. 2000. № 7.
4. Ильин И.А. Наши задачи: В 2 т. М., 1992. Т.2.
5. Розов В. На крючке позолоченном // Советская Россия. 20 августа 1998.
6. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. 2. Ч.1.
7. Глазьев С. Из-под обломков пирамид // Завтра. 1994. № 4.

М.Н. НАЧАПКИН

КОНСЕРВАТИВНАЯ ТРАКТОВКА ПРОГРЕССА

Одной из важных проблем консерватизма является проблема прогресса. Русские консерваторы много размышляли над тем, что такое прогресс и к чему он должен вести, каково должно быть соотношение прогресса, или развития и консерватизма в ходе реформ. К.Н. Леонтьев являлся одним из наиболее ярких представителей консервативной мысли. В работе «Византизм и славянство» он изложил теорию культурно-исторических типов, в основу которой была положена своеобразная концепция развития, базирующаяся на неординарно понимаемой идее прогресса: «...он ушел от метафизической схемы “или-или” в

отождествлении блага и счастья человечества с прогрессом и демократизацией» [1, с.23]. Понятие прогресса используется мыслителем не в привычном для нас понимании – от простого – к сложному, а как движение, исходящее от устойчивого и стабильного состояния и направленное на его воспроизведение на более высоком уровне.

При разработке теории развития человеческого общества Леонтьев использовал аналогию с развитием живых организмов. Он считал, что в формах существования общества проявляется деспотизм внутренней идеи, т.е. некоторого «гена развития». Всякая исторически значимая общность людей переживает в процессе своего развития три стадии: первоначальной простоты, положительного расчленения, вторичной простоты, или смесительного уравнивания. Идея развития описывается Леонтьевым как постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная «индивидуализация, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой – от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений. Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности. Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства. ... Высшая точка развития ... есть высшая ступень сложности, объединенная ... внутренним деспотическим единством» [2, с.69].

Прогресс в развитии общества, расцвет его культуры и государственности связывался Леонтьевым, прежде всего с процессами социальной дифференциации и неравенства: «Стержневым для Леонтьева было убеждение об изначальном, природном или внутреннем неравенстве людей и вера в то, что вытекающая отсюда субординация в любом обществе, государстве, коллективе чрезвычайно благотворна... Жить в соответствии с этим законом естественно и гармонично, вопреки – противоестественно и безобразно. Отсюда его пресловутый “эстетизм” и “византизм”» [2, с.7]. Он возражал против всякого «прогресса», ведущего к ухудшению условий жизни, обрекающего общество на принятие норм, которые в итоге оборачиваются для людей оковами и застенками: «Прогресс же борющийся против всякого деспотизма – сословий, цехов, монастырей, даже богатств и т.п., есть не что иное, как процесс разложения, процесс вторичного упрощения целого и смешения составных частей ... процесс сглаживания морфологических очертаний, которые были органически свойственны общественному телу» [2, с.76].

Леонтьев показал исключительную важность для жизненности Российского государства и русского народа традиционализма и преемственности, которые он назвал «византизмом». Русское государство, по мнению Леонтьева, заключает в себе идею византизма, т.е. идею сильной монархической власти, тесно связанной с православием. Монархия и православие – вот для Леонтьева главные корни жизни: «Сильны, могучи у нас только три вещи: Византийское православие, родовое и безграничное самодержавие наше и, может быть, наш сельский поземельный мир ... Я хочу

сказать, что царизм наш, столь плодотворный и спасительный, окреп под влиянием византийских идей, византийской культуры» [3, с.34]. Для него настоящий прогресс был связан с развитием русского национального идеала: «Православие и его усиление; самодержавие и его незыблемость; быть может (если это удастся), сообразный с настоятельными потребностями жизни сословный строй; сохранение неотчуждаемых крестьянских земель ..., сохранение в быте больше русского ..., независимость в области мышления и художественного творчества» [4, с.55].

Больше всего Леонтьев опасался заражения России либерализмом. Он предостерегал об опасностях увлечения западным путем развития. Этот путь приводит к ликвидации национальной самобытности, своеобразия, насаждает европейски усредненного человека. Игорь Смирнов отмечал: «Сама мысль о возможности повторения Россией исхода, осуществленного Европой, обречения его отечества в безликую буржуазность и тлетворное мещанство непереносима для Леонтьева» [4, с.15]. Таким образом, прогресс у Леонтьева был связан с многообразным, ярким и глубоким государственным и культурным развитием государства. Он считал, что государство держится гармонией между дисциплиной веры, власти, законов, преданий и обычаев, с одной стороны, а с другой реальной свободой лица. Леонтьев правильно определил главную тенденцию развития Европы – слияние в единое общеевропейское государство при отказе от местных отличий. Он так же справедливо отметил, что дух охранения в российском обществе является довольно слабым и значительная часть общества склонна идти по течению, т.е. следовать по европейскому пути развития: « Я ... жажду духовной и культурной независимости для русской национальности, но не такой бледной и слабой, какова эта независимость у нас сейчас... Вижу нерешительную и слабую реакцию против слишком уже одолевшей нас за последние четверть века прогрессивной европеизации ... Много ли у нас настоящих, твердых единомышленников в образованном классе? Сознаюсь, мои надежды на культурное будущее России за последнее время стали все более и более колебаться» [4, с.114-115]. Леонтьев пишет В.С. Соловьеву о причинах укорененности либерального умонастроения в России: пассивной любви к родине, тысячах по-европейски воспитанных умов и сердец и их легкомыслия. Размышляя об официальной опоре самодержавия – дворянстве – Леонтьев задолго до революции делает вывод о его неспособности быть охранителем: «Дворяне – это, прежде всего, русские европейцы, выросшие на общеевропейских понятиях XIX века, т.е. на понятиях смутных, на основах расшатанных, на чтении таких книг и газет, в которых все критикуется и многое отвергается, а непреложными аксиомами считаются только принципы либерально-эгалитарного прогресса» [4, с.175]. Кроме того, он пишет об угасании религиозного чувства и вольномыслии в земских школах. Орудием медленного и по приемам легального разрушения старого стали гласные суды. Он предлагал обдумать другой проект судов без присяжных, без публички и гласности.

Мировое историческое развитие Леонтьев рассматривал как цикличное: «Примеров полного возобновления история не представляет, и, обыкновенно, последующий период есть антигега предьдущего, в главных чертах; побочные же черты сохраняют связь с прошедшим или даже возвращаются к очень далеким векам» [4, с.179]. Он предрекал, что либеральный период в истории Европы, с его эмансипацией и разложением традиционных устоев, сменится постепенным укреплением государства и возможным введением социализма: «...Эгалитарный прогресс XIX века ... очень непрочен и ... должен привести к перерождению человеческих обществ на совершенно новых и вовсе уже не либеральных, а, напротив того, крайне стеснительных и принудительных началах. Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме, вероятно, в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин государству» [4, с.179]. Поэтому Леонтьев был пессимистически настроен в отношении будущего развития человечества: «В прогресс верить надо, но не как в улучшение неперменное, а только как в новое перерождение тягостей жизни, в новые виды страданий и стеснений человеческих. Правильная вера в прогресс должна быть пессимистическая, а не благодушная, все ожидающая какой-то весны» [4, с.179].

Леонтьев был убежденным консерваторм. Консерватизм – направление общественной мысли, возникшее как реакция на идеологию Просвещения с ее отрицанием исторической традиции как предрассудка, рационализмом, индивидуализмом, механицизмом, экономическим и политическим либерализмом. Он выступал за сохранение, поддержание и развитие исторически сложившихся религиозных, политических, культурных, хозяйственных основ данного общества. Для Леонтьева православная религия представляла собой самую существенную черту культурной обособленности. Он писал, что национальной религией нужно гордиться как национальным знаменем. Каждая уважающая себя нация должна сохранять национальную культуру: «У нации с истинным культурным типом и самая одежда, и самые обычаи должны быть оригинальны; моды, пляски, приличия...» [4, с.226]. Сильную государственность он связывал с развитым сословным строем: «Для того чтобы эта царская власть была долго сильна, не только не нужно, чтобы она опиралась прямо и непосредственно на народные толпы, своекорыстные, страстные и глупые, подвижные, легко развратимые; но – напротив того – необходимо, чтобы между этими толпами и престолом Царским возвышались прочные сословные ступени, необходимые для здания долговечного монархизма» [4, с.288]. Леонтьев отмечал, что для функционирования монархического государства очень важна неравноправность людей и классов. Демократия ведет к утрате самобытности. Он дает крайне скептические прогнозы будущего России: «Прочны ли будут плоды теперешней исправительной реакции нашей; окажется ли дворянство русское на высоте не только национальной, но, и мирового признания, - мы этого не знаем. Европеизм и либеральность сильно

расшатали основы наши за истекший период уравнильных реформ. В умах наших до сих пор царит смута; в чувствах наших – усталость и растерянность. Воля наша слаба; идеалы слишком размыты» [4, с.290].

В 60-х. годах XIX века значительный вклад в развитие теоретических основ консерватизма внес Н.Я. Данилевский. Он разработал теорию культурно-исторических типов, которые одни, по его мнению, являются носителями исторического процесса: «Всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком, или группой языков... составляет самобытный культурно-исторический тип...» [5, с.91]. Начала цивилизации культурно-исторического типа не передаются началам другого типа. Уникальность и неповторимость каждого культурно-исторического типа определяются в первую очередь родством языков, религий, общностью исторических судеб и воспитания. Данилевский выступал против европоцентризма или оценки всех событий мира через европейские очки. Для него прогресс истории состоял в том, чтобы каждый народ развивался самобытно, с учетом свои традиций. Не существует одной модели развития, приемлемой для всех народов. Он полагал, что нужна многовекторность общественного развития, и все культуры являются равноценными. Не может быть одинаковой для всех модели развития.

Свое понимание прогресса дает в работе «О нашем политическом лике» Иван Ильин: «Здоровая, мудрая, спасительная политика всегда консервативна, ибо она охраняет, оберегает, поддерживает все историческое наследие страны... Мудрая здоровая политика всегда прогрессивна, ибо она совершенствует, видоизменяет, приспособляет и обновляет историческое наследие страны – именно ради его поддержания и ограждения» [6, с.15]. Таким образом, для консерваторов прогрессивное развитие неразрывно было связано с сохранением исторического наследия, традиций страны. Прогресс в их понимании не означал следование по европейскому, или американскому пути развития, а подразумевал всемерное укрепление Российской монархической государственности, Православной веры, культурных, хозяйственных, обрядовых элементов самобытности.

Литература

1. Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991.
2. Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993.
3. К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993.
4. Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
6. Ильин И.А. Кто мы? О революции. М., 2001.